

Не стит художник

Вет. Москва. — 1995. — 15 марта. — с. 8.

Соавтор классиков

Под крышей старого дома в самом центре Москвы не гаснет ночами окно. Это мастерская члена-корреспондента Академии художеств Федора Денисовича Константинова. Сегодня ему — 85 лет.

Встретившись с ним впервые, я долго не мог отделаться от ощущения, что мы виделись раньше, настолько знакомым показалось лицо Федора Денисовича. Загадка проявилась, когда из папки были извлечены графические листы иллюстраций к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Портрет Раскольникова, встречавшийся и в многочисленных изданиях романа, и в школьных хрестоматиях, Константинов за неимением подходящей натуры рисовал с самого себя.

Разве можно забыть этот взгляд, полный страдания и тайного честолюбия, бесстрашной мысли и самолюбивой мечты о господстве над «тварью дрожащей», над всем человечеством? Эту горькую печать разорванности всех и вся в мире, где выживает богатый и сильный, а слабый и совестливый обречен умереть?

Тридцать пять лет назад Константинов создал талантливую иллюстрацию к великой книге, и не его вина, что она оказалась иллюстрацией к нашей сегодняшней жизни. Художнику дано провидеть.

Удивительные и загадочные бывают сближения! В конце жизни отец Достоевского на деньги, накопленные долголетней врачебной практикой, купил около Зарайска две крохотные деревеньки. Никакой прибыли семейству бывшего лекаря Мариинской больницы для бедных они не принесли, но именно здесь сын его, будущий прославленный русский писатель, ощутил жгучую связь с родной землей. «...Ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его столь любимым мною запахом перетлевших листьев». Здесь узнал юный Достоевский обычных русских мужиков, и кто знает (жизнь любит такие шутки!), не было ли среди них тех, к кому по крестьянской линии восходит Константинов, ведь родом художник как раз из тех мест, из деревни Макеево под Зарайском.

Рисовать он начал в пять лет, раньше, чем пошел в школу. К тому времени уже умер от разрыва сердца отец, и жил Федор у деда — ярого, неистового лошадишника. Может, от него и перешла к внуку эта введливост, изнуряющая и плодотворная страсть к своему делу. Уж если занялся чем, так дойти до сути, до сердцевины мастерства!

Вряд ли говорилось это когда-нибудь вслух, но подразумевалось, было основой и смыслом отношений в большой крестьянской семье. Оттого и запало в душу крепко, на всю жизнь.

Один за другим от голода и тифа ушли дед с бабкой, и оказался Федор в Москве, в Зарядье, где работала в то время мать. Жил, кстати, на одной улице с Леонидом Леоновым. Потом были дружны, хотя встречались редко. Так вот, во время одной из таких встреч в недавние уже годы поведаль Леонов своему старому знакомому, что однажды хотел телевизор утюгом разбить: такое отчаяние взяло от мерзости, что нам показывают. Да тут вдруг документальный фильм начался о Константинове. «Так что, Федор, спас ты мой телевизор». Посмеялись оба, невесело, правда.

Самое интересное, что фильм тот коротенький, наверное, единственная официальная дань признания художнику, за исключением звания, которое тоже дали тогда, когда не давать уже было нельзя — стыдно. В этом смысле судьба его схожа с судьбой многих талантливых людей, никогда не лебезивших, не заигрывающих с властью. А власть, она преданных и талантливых часто путает. В пользу первых, конечно.

Ну а на хороших людей, на добрые знакомства Константинову в жизни везло. Десятилетним попал в колонию «Лига спасения детей», которой ведала Воронцова-Дашкова. Жили на дачах в Серебряном Бору. Прекрасные учителя из старых интеллигентов, французский язык. Поощрялась всякая тяга к творчеству, недаром из этой же колонии вышли актер Ростислав Плятт, народная художница Татьяна Вебер.

Но сам Константинов к делу своему пришел не сразу. Был и слесарем, и токарем, и ткачом на фабрике. Правда, все время рисовал. Так что в конце концов был принят сразу на второй курс института образительных искусств. Но это было не главное везение, а главным было то, что попал он в ученики к самому Фаворскому.

— Рядом с ним, — вспоминает Федор Денисович, — мы, студенты, чувствовали себя, как апостолы вокруг Иисуса Христа. Хотя он не стремился выглядеть небожителем, а его институтская квартира всегда была открыта для нас. Уроки Фаворского незабываемы.

Отличал и Мастер своего ученика, отмечая точность и выразительность штриха, подлинность и лаконичность деталей, неожиданность и завершенность композиций.

Шесть десятилетий назад молодой художник Федор Константинов, выпущенный из института с дипломом первой степени, пришел в издательство «Академия». И сразу серьезная, ответственная работа: оформление «Од» Горация в переводе Шатерникова. Требования были невероятно высоки, и художник с головой ушел в изучение эпохи, быта, деталей. Понадобилось кое-что уточнить у переводчика, а тот при встрече сразу заговорил по-латыни. И вовсе не для того, чтобы уязвить

Овидий. «Метаморфозы».

молодого коллегу, просто в те времена еще как-то само собой разумелось, что переводчик, а желательно и художник, должен владеть языком оригинала.

Потом были «Метаморфозы» Овидия, Шекспир и Гейне, Пушкин и Лермонтов, Мицкевич и Достоевский, Сервантес и Доде, Флобер и Стендаль, Байрон и Есенин...

Константиновым выполнено свыше четырех тысяч гравюр на дереве — целая галерея бессмертных образов, своеобразная история человечества от его детства до наших дней.

И за все эти годы прямо-таки каторжного самозабвенного труда всего три персональных выставки в Москве! Вот уж воистину: мы ленивы и нелюбопытны... В России, чтобы прославиться, непременно нужно помереть, лучше молодым, лучше от пули. Видно, не в правительстве и не в общественном строе дело, а в нас самих.

В Германии, Америке, Японии, Финляндии, Китае, Чехославии, Польше, Франции персональные выставки Константинова производили фурор. Книжки отзывов пухли от восторженных записей, пресса была полна комплиментарных статей. Американский искусствовед Эл Уорди отмечал, что показанные гравюры (малая толика сделанного!) обнаруживают в Константинове чрезвычайно тонкого художника, что умение владеть материалами ставит его в группу художников мирового значения, причем редких даже в мировом масштабе. В другом отзыве иллюстрации к Марку Твену названы «просто непревзойденными» и сопоставляются с классическими гравюрами Доре.

Вот жизни! Мы-то нынче привыкли писать и читать о других: кто больше всех украл, кто дальше всех плюнул, а коли нет ни того, ни другого, так уж неинтересно, не обжигает. Но разве не удивителен такой факт: член-корреспондент Академии художеств Федор Денисович Константинов, проиллюстрировавший едва ли не всю мировую классику, работы которого хранятся в крупнейших музеях мира, сам за границей ни разу не был.

Некогда было. Незачем было.

И все же он самый великий из известных мне путешественников. Мысленно он объехал мир многократно, изучив нравы, быт, историю одежды и архитектуры многих народов до тонкостей, до мельчайших подробностей. Он проник в тайны гениев и стал их собеседником, а в чем-то и соавтором.

От шестидесятилетнего непрерывного труда в основном, по привычке, ночного, он должен был стать сутулым желчным стариком, но он бодр и спокоен, держится прямо и смотрит остро, пронзительно, не теряя собеседника и видя что-то за ним непостижимое и нам неведомое.

Не разбогател: еще недавно его гравюры оценивались из расчета два рубля за квадратный сантиметр. Если найдутся деньги на аренду зала, может быть, состоится юбилейный вечер в Центральном Доме литераторов и выставка в Центральном Доме работников искусств. Сомнительно, что найдутся: нынешняя

Россия чтит лишь торгашей да киллеров.

Впрочем, внешние признаки внимания мало заботят восьмидесятипятилетнего художника. Он с горечью думает о том, успеет ли осуществить свои замыслы?

Готовы к изданию повестей Льва Толстого «Казак», «Хаджи Мурат», «Кавказский пленник». Семьдесят замечательных гравюр экспонировались в центре Гете в Веймаре, вызвали бурю восторга, но издательство «Детская литература» договор с художником расторгло. Книга не выйдет.

Готов макет «Петербургских повестей» Гоголя, сделаны эскизы к «Белым ночам» Достоевского, к сонетам Данте. Сделаны в рисунках «Гамлет», «Дон Кихот», около ста новых иллюстраций к «Демону».

Ни одно из старых и новых издательств это богатство не интересуется.

Иногда выпускают книги с его старыми гравюрами и не платят ни копейки.

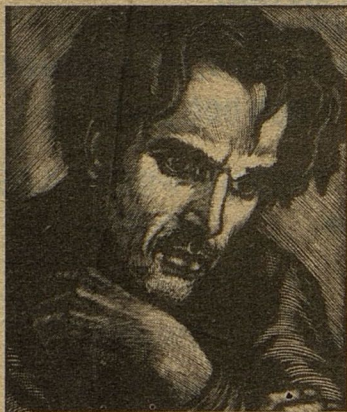
Телефон его мастерской молчит.

Но свет под крышей старого дома не гаснет.

Не спи, не спи, художник...

И он не спит. За всех нас.

Виктор КИРЮШИН

Достоевский. «Преступление и наказание». Раскольников.

Лермонтов. «Мцыри».